

— *Мамочка, с ведьмами
знаться я не буду!*

— *Детка, ведьм ведь не-
мало повсюду.*

«Вальпургиева ночь».
Виллебальд Алексис

«*Ведьма, сущая ведьма!*»

Именно так. Трясущаяся рыжеволосая женщина, которая стояла напротив Ады и, закатив глаза, изрыгала самые отборные (хотя и вполне себе литературные) ругательства в ее адрес, была самой настоящей ведьмой.

Ну, и по совместительству одной из наиболее успешных писательниц современной России.

Внезапно «ведьма», которую звали Лариса Георгиевна Водопьянова, остановилась и, распахнув свои дивные очи, проскрипела:

— Чего-чего?

И к своему ужасу, Ада поняла, что она в сердцах назвала Ларису Георгиевну *ведьмой, сущей ведьмой* не только в мыслях, а и вполне себе вслух.

— Милочка, я к вам обращаюсь! Вы чего-чего сказали в мой адрес? *Как* вы меня только что назвали?

Ада нечаянно изрекла то, что давно вертелось на языке, вероятно, не только у нее: характер у писательницы Водопьяновой был прескверный, о чем в издательстве отлично знали все.

Однако одно дело подумать, а другое — сказать в лицо самой этой писательнице.

А по совместительству *ведьме, сущей ведьме*.

И ладно бы являйся Ада главной в редакции или хотя бы женой директора издательства, в котором бешеными тиражами выходили любовно-мистические опусы писательницы Водопьяновой, пользовавшиеся отчего-то огромной популярностью у невзыскательной публики.

Но нет, она не была ни директором, ни его женой или хотя бы любовницей. Всего лишь младший редактор, одна из многих, самая мелкая сошка и крохотный винтик в гигантском механизме крупного московского издательства «Ктулху».

А писательница Водопьянова, которая, скривив карминный рот и уставившись на нее, тяжело дышала, явно ожидая ответа, от которого зависела если не жизнь самой Ады, так ее последующая карьера — *это точно!* — была звездой, генерировавшей год за годом огромные тиражи, правда, в последнее время уже падавшие, имела армию многомиллионных поклонников в России и за рубежом (в массе своей среди именно этой самой невзыскательной публики, в первую очередь дам средних лет и такого же достатка), и, по упорным слухам, обладала самым скверным характером среди всех ваятелей вечного и прекрасного, с которыми сотрудничало издательство.

То есть *ведьмой, сущей ведьмой*, как и было сказано.

Понимая, что ненароком поступила так, как ей *не было* дозволено, хотя бы по причине ее мелкой должности и полного отсутствия влияния в «Ктулху», Ада, не желая быть уволенной в одночасье (а в том, что такое случится, она не сомневалась: писательница Водопьянова наверняка устроит скандал, потребует

избавиться от грубиянки и не успокоится до тех пор, пока Ада не потеряет работу), чарующе улыбнулась и, чувствуя, что сердце ушло куда-то в район пяток, ответила:

— Ну конечно, *ведьма, сущая* ведьма, кто же еще!

Писательница Водопьянова, женщина массивная, неопределенного (по причине ряда *не самых* удачных пластических операций) возраста, в своей любимой домашней хламиде, которая, как она упорно повествовала в интервью, обеспечивала ей вдохновение во время творческого процесса (судя по падающим тиражам — *не особо*), вознесла к горлу унизанные разноцветными перстнями длинные пальцы и в остолбенении повторила:

— Милочка, как вы посмели меня назвать?

Было бы сенсацией года ответствовать, что уши Водопьяновой, в которых покачивались массивные бриллиантовые серьги, последствие некогда умопомрачительных тиражей, оставшихся в далеком прошлом писательницы, только что закатившей Аде форменный скандал из-за самого настоящего пустяка — закатывать скандалы она обожала, и все, как на подбор, из-за самого настоящего пустяка — ее не подвели и она все отлично слышала. А затем хорошо было бы громко хлопнуть узорчатой дверью подмосковного шале (еще одним продуктом тех самых миллионных тиражей, впрочем, давно уже недостижимых), в котором они, собственно, и находились, и с высоко поднятой головой гордо отправиться восвояси.

В безработицу и безденежье.

Но позволить себе такого Ада, конечно же, не могла, потому что понимала: это было бы верхом неблагодария и, более того, профессиональным самоубийством. Она ведь слышала *крайне* страшные, но от этого не менее правдивые истории об

ужасной мести на редкость злопамятной и кошмарно зловредной писательницы Водопьяновой, которая в аналогичных случаях следила за тем, чтобы личности, посмевавшие действовать ей на нервы или, чего доброго, оскорбить ее, уже никогда и нигде не нашли работы — по крайней мере, в издательском бизнесе.

— Да, Лариса Георгиевна, это именно так! — произнесла Ада, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более твердо, но одновременно почтительно, и чувствуя, что ее начинает слегка колотить.

Ее уволят в тот же момент, как писательница Водопьянова, приложив к уху с массивными бриллиантовыми серьгами, свидетелями ее былых литературных побед, изукрашенный стразами смартфон, позвонит напрямую владельцу «Ктулху», с которым — *как же иначе-то!* — она на «ты», и потребует «избавить ее от этой юной хамки, надерзившей и сбившей вдохновение».

— Эта несчастная Софья Скорпионова — ведьма, сущая ведьма! Вы ведь согласны?

Это был ее единственный шанс. Софья Скорпионова, печатавшаяся в издательстве-конкуренте, была злейшим врагом и многолетней соперницей писательницы Водопьяновой. Кроме того, *очень* много лет назад (и одна, и другая ваятельница бестселлеров были, мягко говоря, уже не первой молодости, и, если уж на то пошло, даже и не второй) писательницы считались дальними родственницами и закадычными подругами. А еще обе поочередно побывали супругами одного и того же мужчины, что, собственно, и развело их по разные стороны баррикад.

Литературных, любовных и личностных, *само собой*.

Встречаясь в свете, обе дамы не стеснялись устраивать столь любимые желтой прессой гранди-

озные скандалы, обвиняя друг друга во всех смертных грехах, а помимо этого во взаимном плагиате, полном отсутствии совести и таланта, а также в абсолютной бездарности и тотальной ничтожности.

Обе обожали подобные сцены, им они требовались, в том числе и для того, чтобы опять оказаться в заголовках сомнительных СМИ.

Что, однако, ни в коем случае не отрицало того простого и непреложного факта, что писательницы в самом деле люто ненавидели друг друга.

Напряженные черты оптимизированного пластическими хирургами лица писательницы Водопьяновой несколько разгладились, и она уже более спокойно спросила:

— Софка? *Она*-то здесь при чем?

Ада, благополучие которой сейчас зависело от изворотливости и буйства фантазии, понимая, что почти вывернулась из скользкого оборота, почтиительно (с писательницей Водопьяновой всегда надо было разговаривать именно так — *почтительно*, причем лучше всего потупив глаза) произнесла:

— Ну ведь ее, увы, весьма опрометчиво также пригласили на сегодняшний прием...

Она имела в виду грандиозное, намеченное на вечер текущей сентябрьской пятницы, *тринадцатого*, действо в самом роскошном отеле столицы. Звездой мероприятия должна была стать не писательница Водопьянова и даже не ее врагиня и злейшая конкурентка и какая-то там троюродная (или что-то подробное) сестра *Софка*, а зарубежная богиня тривиальной литературы, автор мегабестселлеров, прибывшая по приглашению «Ктулху», обладавшего эксклюзивной лицензией на издание на постсоветских просторах всех ее произведений, в российскую столицу для участия в завершавшейся сегодня книжной ярмар-

ке. Первая женщина, заработавшая при помощи своих книг о девочке-волшебнице *миллиард*, причем в свободно конвертируемой валюте, а с учетом голливудских экранизаций, наверное, и поболее, апофеоз ночных кошмаров писательниц Водопьяновой и Скорпионовой, великая и неподражаемая Лоретта ди Сан-Марко! Английская писательница, родившаяся и выросшая на Мальте, жившая в собственном замке в Шотландии, возведенная британской королевой за свои литературные заслуги в наследные баронессы, носившая итальянскую фамилию своего никому не известного бывшего швейцарского мужа!

Писательница Водопьянова, скуксившись (насколько это позволяло ее изуродованное пластическими хирургами лицо) и подзаборно выругавшись, извлекла из кармана своей домашней, дававшей ей творческое вдохновение,хламиды сверкающий смартфон и, приложив его к уху, завопила:

— Миша, это ты? Мне тут эта дуреха говорит, что Софка на прием с Лореттой тоже приглашена? Как такое может быть? Нет, я тебя русским языком спрашиваю, как это возможно? Что она делает? Звезда российской литературной сцены только одна — я!

Выплыв из аляповато обставленной гостиной своего подмосковного шале, писательница Водопьянова, позвонившая не кому-нибудь, а сразу владельцу «Ктулху», оставила Аду в гордом одиночестве.

Девушка, понимая, что в этот раз *пронесло* и ее не уволят, по крайней мере сегодня, в изнеможении опустилась в кресло — и услышала недовольное мяуканье, громкое фыркание, заодно ощутив впившиеся в спину острые коготки.

Так и есть, одна из десяти любимых кошек писательницы Водопьяновой, которые и были истинны-

ми хозяевами подмосковного шале авторши много-миллионных (во всяком случае, *некогда*) тиражей, перекормленная хвостатая тварь, сверкая глазами и урча не хуже своей хозяйки, прыгнула на ковер и выбежала прочь.

Кошки были под стать писательнице (или это она была под стать своим невоспитанным и избалованным питомцам?), и девушка поняла, что снова рисковала быть уволенной: если бы Лариса видела, как она нечаянно едва не раздавила одну из ее любимиц, без промедления вышвырнула бы Аду прочь.

Именно такое произошло с ее непосредственной предшественницей, которая была, как теперь и сама Ада, девочкой на побегушках, а по совместительству грушей для битья и мусорным ведром для вечно пребывающей в плохом настроении писательницы Водопьяновой. По требованию которой ее и выгнали с работы в издательстве.

Закрыв на несколько мгновений глаза и попытавшись расслабиться, Ада подумала, что если бы писательница Водопьянова ее уволила, то этому кошмару настал бы конец, она бы была избавлена от общества вздорной и крайне злобной особы.

Ведьмы, сущей ведьмы.

Но вместе с этим Ада потеряла бы и заработок, весьма солидный для самой мелкой редакторской сошки, а также призрачную возможность, выказав на водопьяновской стезе свой стальной характер и неподражаемые деловые и личностные качества, сделать дальнейшую карьеру в «Ктулху».

Впрочем, *отчего* призрачные — ведь непосредственная начальница Ады, сюда ее и направившая, когда-то тоже была на побегушках у Ларисы и, с честью выдержав эту муку, сумела подняться на ступень выше.

И непосредственная начальница ее непосредственной начальницы *тоже*.

А раз так, если имелись реальные люди, сумевшие пережить тайфун под названием Лариса («О да, Лариса Георгиевна, вы абсолютно правы, я дура, каких еще поискать надобно, а вот ваш черный кофе и сигарета») и даже вскарабкаться по карьерной лестнице, то чем Ада хуже?

Но были и другие, чьи имена предали *вечному забвению*, примерно как неугодных египетских фараонов и свергнутых римских императоров: те, кого писательница Водопьянова потребовала уволить и растерзала в клочья.

Как ее непосредственную предшественницу, которую Ада даже неплохо знала и которая в итоге, помыкавшись то тут, то там, так и не нашла работы ни в одном другом издательстве, была вынуждена выйти замуж и поспешила забеременеть, дабы отыскать для себя новую стезю.

Ну, если Аду уволят, она *тоже* сможет выйти замуж — хотя, в отличие от ее непосредственной предшественницы, у нее нет состоятельного молодого человека.

Хотя постоит же, у нее же есть *Стасик!*

При мысли о Стасике, своем бойфренде и почти женихе, Ада горько вздохнула. Ну да, у них дело шло, судя по напряженным отношениям, не к свадьбе, а к расставанию.

И если ее уволят, то не исключено, что Стасик, банковский аналитик, недавно *действительно* пошедший на повышение и ставший начальником, *хотя бы* и мелким, не только не поддержит подругу морально и финансово, но и заявит, что «пришло время поговорить по душам, девочка моя, и принять правильное решение».

Ну да, *девочка моя* — так он всегда обращался к ней. Причем когда она в ответ называла его *мальчик мой*, это ему ужасно не нравилось.

Не хватало еще, чтобы она в один день потеряла и работу, и жениха. Вернее, бойфренда, который отнюдь не намеревался делать ей предложение и переходить в статус законного супруга.

Печалиться по этому поводу Ада, девушка современная и независимая, не намеревалась, ну, а если все же да, то всего лишь чуть-чуть, или, быть может, *немного больше*, потому что Стасика она все же любила.

По крайней мере, в начале их длившихся уже третий год отношений — точно.

А вот *сейчас*?

Еще до того, как она сумела прийти к какому бы то ни было ответу на этот крайне экзистенциальный вопрос, на пороге гостиной появилась писательница Водопьянова, уже завершавшая разговор с издателем *Мишей* и пребывающая, как водится, в крайне дурном расположении духа.

— *Где мой черный кофе и сигарета?* — произнесла она беспрекословным тоном, и Ада, смекнув, что писательница зла на нее уже не таит и увольнять прямо сейчас не намеревается, бросилась выполнять ее желание.

Когда через пару минут Лариса, получив двойной эспрессо, приготовленный в кофейном автомате на кухне, а также ментоловую сигарету, в сопровождении своих хвостатых любимиц удалилась, попыхивая пахитоской, на террасу — уже снова телефонируя кому-то и жалуясь, что *Софка также будет на приеме*, — Ада, улучив момент, вернулась на кухню, где ткнула пальцем в одну из кнопок на кофейном автомате.

— Вы, быть может, тоже хотите? — спохватилась она, обращаясь к экономке писательницы Водопьяновой, Марии Филипповне, сновавшей по огромному помещению, заполненному аппетитными запахами: готовился обед, а покушать писательница *ой как любила*, придерживаясь мнения, что *на голодный желудок вдохновение не приходит*.

Та, качнув головой с короткими седыми волосами, ответила:

— Нет, спасибо, я уж лучше чаю. Ну что, сегодня *не в духе?*

Ада, наблюдая за тем, как горячее молоко струится в бокал, кивнула.

Экономка, что-то кромсая, продолжила:

— Впрочем, о чем это я, когда она в духе. Хотя, в сущности, Лариса Георгиевна — неплохой человек, только глубоко несчастный.

Ада едва не выронила из рук бокал с обжигающим латте макиато. Это писательница-то Водопьянова — *глубоко нечастная?* Несмотря на ее катастрофически падающие тиражи, зарабатывала она, благодаря своим старым книгам, *о-го-го*, точнее даже, *о-го-гошеньки*. Ее новые произведения, как водится, с мелодраматично-мистически-мармеладной начинкой, хоть и сползли, причем уже давно и прочно, с первых, вторых и даже третьих позиций в списке бестселлеров, но еще пользовались любовью многочисленных поклонников, опять же, *женщин средних лет и такого же достатка*, и тоже неплохо продавались. Посему писательница обитала в собственном подмосковном шале, коллекционировала раритетные драгоценности и только на прошлой неделе выгнала взащей молодого любовника, когда узнала, что тот ходит на сторону, причем *тоже к любовнику*.

В общем, жизнь если не литературной императрицы, так хотя бы королевши или курфюрстины была не без терний, но в общем и целом — вполне недурственна. Она вполне комфортно протекала в окружении десятка подобострастных кошек, заботливой экономки, поварихи и «ктулхушников», как пренебрежительно и прямо в глаза писательница Водопьянова именовала работников издательства, готовых выполнять все ее заскоки. Включая *очередную* девочку на побегушках, боксерскую грушу и грелку для Тузика (вернее, *для* Ларисы Георгиевны): юную, рыжеволосую, робкую Аду Булгакову, младшего редактора отдела любовной и мистической прозы издательства «Ктулху», направленную непосредственной начальницей, уже прошедшей это испытание, в пещеру к огнедышащему дракону.

Вернее, в подмосковное шале к попыхивавшей ментоловыми сигаретами писательнице Водопьяновой.

Которая, как утверждала ее экономка и повариха, была *глубоко несчастным человеком*.

— *Точно* глубоко несчастный? И насколько именно глубоко? Глубже Марианской впадины или еще нет? — произнесла, осторожно отхлебывая обжигающую пену, Ада, а экономка со вздохом ответила:

— Ну, я ведь давно у нее работаю, знаю Ларису Георгиевну как облупленную. Конечно, характер у нее не сахар, но если бы у нее в личной жизни все было получше, то и к окружающим она относилась бы поспокойнее.

Ада подумала о смазливом накачанном любовнике, персональном тренере, которого писательница Водопьянова после его случайно вскрывшихся шашней со скандалом (вопли, визги, выдернутые волосы) выставила за дверь.

Точнее, своей бриллиантовой рукой *выбросила*.
— Ну, с Аркашей ей не повезло, конечно...

Мяукая, на кухню вбежали сразу три кошки — две белые и одна черная.

— Что, красавицы, кушать хотите? Сейчас вам мамочка даст!

Наблюдая за тем, как кошки жадно набрасываются на миску с едой, которую им заботливо поставила на пол экономка, Ада подумала, что даже статус этих хвостатых существ в подмосковном шале писательницы Водопьяновой *намного* выше, чем ее собственный.

Ну, все где-то и когда-то начинали! Как сказала ее собственная непосредственная начальница, главное — *продержаться первые полгода, а потом будет легче*. Она-то знала, о чем вела речь.

Или Лариса ее уволит, или полюбит.

Причем Ада даже не знала, что будет хуже: ужасный конец или ужас без конца.

Третьего не дано.

— Ну, при чем тут этот вертопрах. Нет, я о другом. Лариса Георгиевна, которую я еще девочкой знала, всегда мечтала стать серьезным литератором, а в итоге ваяет глуповатые опусы для домохозяек. А у нее ведь талант, может, не самый большой, но явный. А она растратила его на все эти побрякушки, мирскую славу и тусовочную суету. А ведь могла быть стать настоящей писательницей!

Ада замерла, так как заметила, что на кухню явился объект филиппики экономки: сама писательница Водопьянова. Причем, судя по всему, она уловила реплику прислуги.

Любую другую, например, саму Аду, за подобные крамольные высказывания Лариса, конечно же, немедленно выпотрошила бы, как Чикатило, но тут всего лишь, рассеянно улыбнувшись, сказала, будто журия:

— Ах, Маша, снова ты о своем! Не забивай девочке голову благоглупостями. А то она еще о себе возомнит. А так из нее может получиться толк!

И с плотоядной усмешкой посмотрела на Аду. Похоже, она писательнице Водопьяновой даже нравилась — час от часу не легче! А что, если она потребует от «ктулхушников», чтобы она, Ада, все время ходила в ее личных помощницах и девочках для битья?

И *по совместительству* в боксерских грушах и грелках для Тузика?

Нет уж, Ада продержалась уже четыре месяца, и в иных местах это идет как четыре года, если не все четыре десятилетия. Пусть уж лучше Лариса ее увольняет!

Меж тем писательница, скривив губы, махнула зажатой между пальцев тлеющей сигаретой и заявила:

— Что же, я добилась, чтобы Софки на приеме не было. Приглашение уже не отозвать, но ее не пропустит секьюрити в отеле, Миша мне клятвенно обещал. Потому что звезда может быть только одна — я!

Она на полном серьезе произнесла эту напыщенную фразу, а экономка, звякнув тарелками, заметила:

— Я-то думала, что прием не твой, он в честь этой зарубежной авторши.

Затянувшись и выпустив кольцо сизого дыма, писательница Водопьянова ответила:

— Ты, Маша, поразительно умеешь все испохабить. Ну да, мне понятно, что это все ради Лоретты, нашей литературной миллиардерши, которой мы все в подметки не годимся и которая может, щелкнув пальчиками, скупить на корню «Ктулху» со всеми его авторами. Или даже *не* щелкая. Да, прием ради нее, а не ради меня. Но дай мне все же насладиться мыслью, что на ее месте могла бы быть я!

Подобная самокритичность была новой, доселе Аде не известной, гранью полного тайн и загадок характера писательницы Водопьяновой.

— Но ведь ты *не* на ее месте, Лорочка? — спросила экономка, и Ада окаменела. Наверняка писательница Водопьянова сейчас разразится воплями и криками, как это обычно и было, по крайней мере при общении с ней самой.

Ничего подобного — снова затянувшись, та ответила:

— Не на ее, но ведь вполне *могла бы быть*, ведь так?

Обе женщины обменялись многозначительными взглядами, и экономка произнесла:

— Могла, но ведь это не так? И литературная миллиардерша — она, а не ты, Лорочка.

Докурив сигарету, писательница Водопьянова раздавила ее в ониксовой пепельнице, каких в подмосковном шале было по три штуки в каждой комнате, и произнесла с затаенной тоской:

— Но ведь могла, Маша, вполне могла!

— Но ведь в итоге это не так, Лорочка? Каждому свое.

Похоже, женщины вели разговор о чем-то другом, и Ада подумала, что даже для самовлюбленной Ларисы Георгиевны желание подняться до уровня Лоретты ди Сан-Марко уже *чересчур*.

Лоретта была уникальным явлением не только по сравнению с российскими, но и со всеми зарубежными авторами. В течение уже десяти с лишком лет, всего того срока, в течение которого выходили в свет ее опусы о девочке-волшебнице и ее невероятных приключениях во время обучения в колледже магии и колдовства, сразу же и надолго занимавшие первые позиции в списках бестселлеров по всему миру,

госпожа Сан-Марко была *самой* богатой и успешной мастерицей пера.

Писательница Водопьянова, себя, конечно же, обожавшая, не могла этого не знать, ведь, несмотря на все свои истеричность и склонность к театральщине, Лариса Георгиевна была, как успела узнать Ада, человеком весьма трезвомыслящим и расчетливым.

— Что значит — каждому свое? Кто вообще определяет, *кто* каждый и *что* у него свое? Умеешь ты, Маша, вселить уверенность в человека и укрепить его веру в себя, да?

Она посмотрела на Аду, а та, не зная, что и ответить, пожала плечами.

Однако накотившее желание откровенничать явно пошло на убыль, и писательница Водопьянова заявила:

— Ладно, ты опять прохлаждаешься на кухне в компании с этой болтливой старухой! Покорми кошек, приготовь мне кофе и иди в кабинет. Надо подготовиться к моему сенсационному выступлению на книжной ярмарке, авто придет уже через три часа с небольшим, а я еще в полном раздрае. И где только эта несносная стилистка? А парикмахер? Все отлынивают, одна я работаю, вот сегодня с раннего утра настрочила уже тринадцать компьютерных страниц нового романа, который всем вам, лентяи и дурачье, обеспечивает безбедное существование! Моего нового бестселлера на самых первых позициях во всех возможных идиотских списках!

Ну, вряд ли *так уж* и бестселлера, на первые позиции новый роман Ларисы Водопьяновой уже давно не выходил, но где-то в середине второй десятки по продажам он, *вероятно*, все же сумеет удержаться.

Телефон Ады завибрировал, и, взглянув на входящий номер, она поняла, что команда «ктулхушни-

ков», в задачи которых входило навести марафет на писательницу Водопьянову, прибыла.

И перед тем как все завертелось, Ада подумала, что сомневается, что литературная миллиардерша Лоретта, чествовать которую сегодня вечером собирался весь издательско-писательский бомонд обеих столиц, со своей челядью, которая у нее также имелась, обращается так же, как писательница Водопьянова.

Но экономка Мария Филипповна была права: *каждому свое*, и если у Лоретты были мировые бестселлеры и миллиард в свободно конвертируемой валюте, на оных заработанный, то у Ады имелась лишь писательница Водопьянова в своем подмосковном шале.

С черным кофе, сигаретами и десятком кошек.

— Как может быть, что Софка *здесь*? Нет, я тебя спрашиваю, идиотка потомственная, как такое возможно? Ее же обещали не пропустить!

Писательница Водопьянова, облаченная в эффектное черно-белое платье, удачно скрывающее некоторые (не такие уж малочисленные) изъяны ее величественной фигуры, со сложной, созданной лысо-бородатым насупленным парикмахером в подмосковном шале, прической, впрочем, удивительно ей шедшей, и даже с вплетенным в волосы гребнем, неким подобием диадемы, положенной, видимо, ей по неоспоримому статусу царицы российской развлекательной прозы, была в полнейшем ауте.

Они — сама писательница Водопьянова и сопровождавшая ее Ада, скромно одетая в серый деловой костюм, как и надлежит невзрачной ассистентке, а также девочке на побегушках, груше для битья и грелки для Тузика, — вышли из вознесшего

их в считанные секунды на самый верх зеркально-золоченого лифта на гигантскую, почти во всю крышу столичного отеля-небоскреба террасу, на которой и имела место эксклюзивная, закрытая, тщательно охраняемая вечеринка, приуроченная издательством «Ктулху» к окончанию Московской книжной ярмарки в ту сентябрьскую пятницу, тринадцатого.

И к визиту зарубежной звезды, литературной миллиардерши Лоретты ди Сан-Марко.

Ту вечеринку, на которую Ада, мелкая издательская сошка, приглашена изначально не была, но все же в итоге попала, и все благодаря Лоретте. Ну, и отчасти — *кто бы мог подумать!* — Ларисе Водопьяновой.

И надо же такому случиться, что первой особой, которую узрели обе женщины, выходя из лифта на теплый ночной воздух (сентябрь стоял на редкость жаркий), оказалась невысокая жилистая дама в обтягивающем кожаном брючном костюме — ни дать ни взять комиссарша времен революции. Чистоту образа несколько портили неизменная, дополняющая каждый наряд ковбойская шляпа и ковбойские же сапоги.

Вероятно, то была *комиссарша с Дикого Запада*.

Писательница Софья Скорпионова, дальняя родственница, некогда лучшая подруга, а на протяжении многих лет — заклятая врагиня писательницы Водопьяновой!

Лариса Георгиевна, едва не накинувшись на Аду с кулаками, завопила:

— Нет, что эта мерзавка тут делает? Мне обещали, что ее секьюрити не пропустит!

В самый фешенебельный отель столицы с отличным видом на Красную площадь они прибыли напрямик с ВДНХ, в павильонах которого буквально час назад и завершилась Московская книжная яр-

марка. Лариса Георгиевна показала высший класс, подарила своим поклонницам, тем самым дамам среднего возраста и достатка, которых немало набилось в павильон, где Водопьянова представляла свою новую книгу, незабываемый час общения с любимой писательницей, была любезна с ведущим, снисходительна к глупым вопросам публики, добра и остроумна — в общем, выказала себя такой, какой она в реальной жизни *совсем* не являлась.

Чтобы после завершения интервью, оказавшись за кулисами, тотчас обругать Аду за какую-то мелочь, а потом потребовать сопроводить ее на закрытую встречу с Лореттой ди Сан-Марко, презентовавшей русский перевод своей новой, предпоследней, книги из серии о девочке-волшебнице, куда пускали не всех желающих, а только избранную публику: сливки высоколитературного общества.

Как водится, самая яркая литературная звезда, более того, *миллиардерша* завершила своим выступлением книжную ярмарку, и Ада, наблюдая издали за изящной, улыбчивой, абсолютно спокойной писательницей, романы о девочке-волшебнице которой она, как и миллионы других читателей по всему миру, глотала в одно мгновение, подумала не без горечи, что с большим удовольствием пошла бы к ней в помощницы.

А также в девочки на побегушках, груши для битья и грелки для Тузика.

Судя по тому, с какой уверенностью и тактом Лоретта общалась с публикой, таковые ей попросту не требовались.

Но Ада *все равно* бы пошла, вся проблема в том, что ее никто об этом не просил.

Да и не заметила она около Лоретты ни во время интервью, ни после, когда та с неизменной улыбкой

раздавала автографы, какой-то особы вроде самой себя, готовой *услужить, подать, вытерпеть*.

Судя по всему, такого аналога Ады у литературной миллиардерши, в отличие от писательницы Водопьяновой, элементарно не имелось, а если и был, то в Москву с собой она его или ее не взяла. Как позднее выяснилось, миллиардерша даже персональной охраной не обзавелась, довольствовалась той, которую ей для демонстрации статуса звезды на время визита на ВДНХ предоставило «Ктулху».

Литературная миллиардерша, судя по всему, обходилась без девочки на побегушках!

Аде было смешно и дико наблюдать за тем, как в очередь за автографом от Лоретты выстраиваются не простые читатели, которых на закрытой встрече с ней практически и не было, за исключением специально отобранных, в первую очередь детишек работников самого «Ктулху», а именитые личности из издательских кругов столицы, звезды шоу-бизнеса и интернет-кликов.

После того как встреча официально завершилась и Лоретта оказалась в плену у владельца «Ктулху», того самого *Миши*, на руке которого повисла писательница Водопьянова, Ада, сжимая в руке свой любимый том о девочке-волшебнице, отступила в сторону, оттесненная мастодонтами и бронтозаврами издательско-писательского симбиоза. Однако Лоретта, которая даже вблизи выглядела намного моложе своих *без малого* шестидесяти, прямо-таки юной девицей, причем при этом совершенно естественной и ничуть не перекроенной пластическими хирургами (видимо, те были у литературной миллиардерши не на порядок, а на два или даже три лучше, чем у писательницы Водопьяновой), вдруг, прервав излияния Миши, исторгавшего на *не* самом чистом

английском очередной панегирик в честь зарубежной гостыи, переводя то, что на русском втуляла ему Лариса, иностранными языками не владевшая, сама обратилась к Аде.

— Я вижу, что вы тоже любите мои романы, мисс? — мелодично произнесла она. — Премного вам за это благодарна. Разрешите полюбопытствовать, что это за том. Вероятно, ваш любимый?

Прерванный литературной миллиардершей на полуслове, *Миша* устался на Аду, а та покраснела. Она же не набивалась, Лоретта ее сама заметила и первая с ней заговорила! Писательница Водопьянова толкнула Мишу локтем в бок, и тот закашлялся.

— Ты куда, хамка трамвайная, лезешь? — прошипела, впрочем, *крайне* сладким тоном писательница Водопьянова, обращаясь к Аде. Та поняла, что увольнения не миновать. Со стороны, однако, выглядело так, будто Лариса говорит ей комплименты. — Ты что, пигалица дегенеративная, не видишь, что я с ней разговариваю, а Миша переводит? Ты что, захотела без работы остаться? Учти, я это твое желание быстро исполню. Так ведь, Миша?

Она снова толкнула *Мишу* локтем в бок, причем *крайне* размашисто, и владелец «Ктулху» громко охнул — то ли в знак согласия, то ли по причине болевого шока.

Лоретта же, взяв книгу, которую Ада держала в руках, мечтательно произнесла:

— Ах, четвертый том! «Мэри Ноббит и Цветок зла». Роман давался мне не без труда, однако он мой самый любимый! Из тех, что я написала, конечно.

Она серебристо рассмеялась, вслед за ней захихикал *Миша*, и даже не понявшая сказанного писательница Водопьянова закатилась несколько исте-

ричным смехом. Но, судя по дергавшемуся веку, она была вне себя, и Ада поняла: писательница потребует ее увольнения! И *Миша*, стоящий рядом и украдкой потирающий явно ноющий бок, поступит так, как захочет царица русской тривиальной литературы.

Лоретта же достала из крошечной сумочки, висящей у нее на локте, ручку, причем не какую-нибудь шикарную, с золотым пером в обрамлении из рубинов и бирюзы (такая *в самом деле* имелась у писательницы Водопьяновой, и *именно ею* она подписывала книги на встрече с читателями только что), а самую что ни на есть обычную, копеечную.

Такую, какую могла позволить себе *только* литературная миллиардерша.

— Ты ведь уволишь эту нахалку? — продолжала вещать сладким тоном писательница Водопьянова. — Миша, я требую! Иначе не сдам новый роман и вообще уйду к конкурентам!

Уйду к конкурентам — это была ее любимая угроза, которую писательница Водопьянова регулярно озвучивала, но никогда бы не рискнула осуществить.

Но которая, однако, всегда оказывала нужное воздействие на *Мишу*.

— Кому я имею честь посвятить мой автограф?

В подобных случаях писательница Водопьянова обычно рявкала:

— Вас как зовут? Для кого завитушка?

Девушка, понимая, что ее точно уволят и что *Миша* пойдет на поводу у Ларисы Георгиевны, порадовалась, что хотя бы получит автограф и личное посвящение самой Лоретты ди Сан-Марко.

— Ада...

Лоретта пристально взглянула на нее.

— Какое у вас красивое имя! Мою бабушку тоже звали Ада.

Явно не замечая, что происходит вокруг нее, Лоретта вписала в книгу, удерживаемую дрожащей Адой, изящным косым почерком:

«Тезке моей любимой бабушки, Аде, с благодарностью за истинную любовь к моим не самым гениальным романам».

И увенчала все это эстетичным росчерком. Ну, тем, что писательница Водопьянова именовала в подобных случаях *завитушкой*.

— Нет, ты только посмотри, Миша! Ты ведь уволишь эту дрянь? Не могу ее выносить, она мне на нервы действует. И даже здесь впереди всех выскочила, хотя сбоку припека.

Чувствуя, что на глазах у нее навернулись слезы от обиды, Ада горячо поблагодарила Лоретту, которая, мило улыбаясь, потрепала ее по руке.

— Так да или нет, Миша? Учти, иначе пойду сейчас к главе конкурентов и скажу, что хочу печататься только у него. Понимай хорошо, что ты ответишь, Миша! Ты эту кикимору болотную уволишь?

Главный «ктулхушник» выпалил:

— Да, уволю! Если ты этого, Лорочка, так хочешь, то уволю!

И тут произошло самое невероятное. Лоретта, подняв глаза на Мишу и писательницу Водопьянову, произнесла по-русски, хотя и с сильным британским акцентом:

— О, вы знаете, я ведь немного говорю на вашем языке. Изучала его в университете, я ведь филолог, как вы в курсах. Нет, в курсе, ведь правильно так?

Все окаменели, а *Миша* так вообще превратился в базальтовую скалу.

— Правда, я не особо ще... щё... щегол... чу? Нет, щеголяю — *вот!* — знаниями языков. Так интересно приехать в страну и слушать, о чем говорят другие,

которые не знают, что я понимаю. Я правильно это выразила?

Миша судорожно кивнул.

Бросая копеечную ручку обратно в сумочку на локте, Лоретта мило продолжила:

— Ада работает на вас? О, я сразу вижу, что она — крайне хороший человек. И наверняка великодушный сотрудник. Ах, я хотела сказать: великолеплый. Сотрудник ведь может быть *великолепным*?

Ада ощутила, что по щекам текут слезы — на этот раз от радости и восхищения.

— Так вот, Майкл, буду вам признательна, если вы не будете увольнять эту великодушную... я хотела сказать, великолепную сотрудницу. Она наверняка у вас... Как это?

Она произнесла по-английски, и Ада перевела:

— *Незаменимая.*

— Да, да, большое спасибо, мисс Ада, именно что незаменимая. Я в этом не сомневаюсь. А вы, дорогая коллега?

И она посмотрела на писательницу Водопьянову.

Та, то краснея, то бледнея, потеряла дар речи, что с ней происходило крайне редко. А вернее, никогда: *подобного* Ада пока что еще не наблюдала.

— Я? Что я?

Настал черед *Миши* шибануть ее в бок локтем и мило произнести:

— Ада ведь незаменимая? Мы *не* будем ее увольнять?

Литературная миллиардерша вторила:

— Ведь не будете? Я так рада буду увидеть ее снова, когда приеду в Москву... через год. Или через два. Наверняка уже в должности... повыше...

Все замерли, ожидая вердикта Ларисы Георгиевны, и та выпалила:

— Конечно, не будем. Это такая повторяющаяся междусобойная шутка. А дочка ведь все поняла, не так ли, моя сладкая?

Только что она точно таким же приторным тоном именовала ее хамкой, идиоткой и мерзавкой, и вот «моя сладкая». Только Лоретта уедет, а Ада *останется*. И писательница Водопьянова, и Миша смогут сотворить с ней все, что захотят.

Мило, конечно, что литературная миллиардерша за нее вступилась, но...

— Лучше себе таких шутка не позволить. Мы, писатели, должны быть благодарны таким, как мисс Ада. Без них никто и ничто. Вы ведь согласны, Майкл?

Миша был *со всем* согласен, и Лоретта, мягко улыбаясь, сказала:

— Буду рада увидеть вас сегодня на этом приеме, который готовят в мою честь. И во время моего визита в Москву через пару лет. Я не сомневаюсь, Майкл, что вы цените своих великодушных сотрудников. Ах, я хотела сказать — *великолепных!*

Ада после этой короткой, но такой потрясающей сцены с Лореттой долго находилась под впечатлением, и, похоже, не только она не могла прийти в себя. Даже писательница Водопьянова, которую Ада сопровождала на эксклюзивный прием на крыше отеля, что сначала предусмотрено не было, но произошло по настоящему желанию зарубежной гостьи, сбавила обороты и, пока они по вечерним столичным пробкам добирались до центра (Лоретта вместе с Мишей отправились в отель *на вертолете*), все выпытывала, даже несколько подобострастно, откуда Ада знает литературную миллиардершу.

Смена настроения писательницы Водопьяновой, точнее, факт *невозвращения* ее обычной стервозности, насторожил Аду, однако она не сомневалась,

что все это связано с магией личности Лоретты ди Сан-Марко.

Ну, и с тем, что по сравнению с гостьей сама Лариса Водопьянова была *мелкой околотитературной сошкой*.

— Как и все, я знаю ее по книгам о девочке-волшебнице! — в который раз повторила Ада.

— Точно? Только так? И никак иначе? — настаивала писательница Водопьянова, и Ада, решительно не понимая, что она имеет в виду (например, что их дачный участок под Рязанью граничил с домиком родителей Лоретты, *что ли?*), уверила ее, что *никак иначе*.

Так и не поверив ей до конца, писательница Водопьянова все же отчасти стала прежней и снова начала открыто хамить и грубить, что даже вселило в Аду уверенность в том, что ее не уволят по-тихому после отъезда Лоретты, намеченного на следующий день.

Ведь миллиардерша улетит в свой средневековый замок где-то в Шотландии, на берегу озера, в котором, по слухам, обитает чудовище, подобное лох-несскому, и будет жить там в одиночестве, сочиня очередную магический опус, а Ада-то останется в Москве — с Лорочкой и *Мишей*.

Прежнее настроение вернулось к Ларисе Георгиевне, когда они с солидным по причине пробок опозданием оказались на крыше фешенебельного столичного отеля — и первым делом узрели писательницу Скорпионову, явно их дожидавшуюся.

— Опаздываешь, Лорик, как можно! — заявила та и утробно захохотала — она любила это прилюдно делать, отлично зная, что многих это смущает и шокирует. А писательницу Водопьянову просто бесит.

— Ах, понимаю, тебя не пускали, вот ты и подзадержалась! И как это ты смогла все же сюда про-

ползти? Понимаю, змеи подколодные всюду найдут лазейку! Старая ведьма!

Выплывая из лифта под открытое небо, Лариса заметила:

— Ну, пусть и ведьма, но не старая. Ты меня на целых три года старше! Так что я молодая, а старая — это ты.

Писательница Скорпионова взбеленилась.

— Какие три, что ты мелешь? Всего лишь на неполный год!

— Не ври, Софка, я знаю, как ты со своей датой рождения мухлевала! Даже в паспортном столе взятку давала, чтобы тебя моложе сделали.

— Это ты со своей налоговой отчетностью, Лорочка, мухлюешь. Кстати, это правда, что твой последний хахаль ушел от тебя к мужику? Мои ему поздравления! Умный мальчик, ничего не скажешь, правильный выбор сделал.

Судя по нервному тикю, писательница Водопьянова была на взводе. Схватив с подноса проходившего мимо официанта сразу два больших бокала с разноцветным коктейлем, она произнесла:

— Ты пьяна, Софка! Впрочем, ты всегда любила заложить за воротник.

Та, прекратив хохотать, заявила:

— Да неужели? Наверное, поэтому ко мне твой муж и ушел.

Ада отступила, понимая, что вмешиваться в дела семейные, более того, семейно-писательские, явно не следует.

Тогда не только уволят, но еще и *пришибут*.

— Но ведь потом вернулся и умолял принять, но я отказала. Ты была плоха в постели, Софка! Ой как плоха!

— Дура ты!

— Повторяю, ты любишь заложить за воротник. Так я добавлю!

И, подойдя к сопернице, она выплеснула содержимое одного бокала прямо ей в лицо, а второй коктейль вылила на поля ковбойской шляпы.

— Ах, бедняжка, ты у нас обмочилась! Какой стыд и срам! Уведите ее прочь!

Ада обернулась в поисках своей непосредственной начальницы или даже Миши. Ей самой с двумя коронованными особами тривиальной литературы справиться было *решительно невозможно*.

Но Миша находился далеко, расположившись где-то в белоснежно-кожано-шелковой ВИП-ложе с Лореттой, и добраться до них через частокол obsługi и охранников не представилось возможным. Заметив начальницу своей начальницы, Ада бросилась к ней и быстро поведала о том, что происходит у лифта.

Та, быстро смекнув, что склока двух шедевраль-ных авторш на эксклюзивной вечеринке издательства, тем более в присутствии зарубежной гостьи, *явно ни к чему*, продефилировала за своей подчиненной. Когда они достигли лифта, то увидели, что две писательницы, обе уже мокрые (Софка, вероятно, нанесла ответный удар), готовы вцепиться друг другу в глотку.

Ни дать ни взять — *ведьмы, сущие ведьмы*.

Писательницы разошлись не на шутку, забыв обо всем, что происходило вокруг них. А происходило многое: элитные гости элитной вечеринки, уже не стесняясь, снимали элитную склоку на свои элитные смартфоны.

Слышались смешки и едкие комментарии, кто-то даже предложил заключить пари на то, кто кого: *Софка Лорочку* или *Лорочка Софку*.

Аде сделалось невероятно стыдно, причем не за себя, а за свою, так сказать, подопечную. Она при-

близилась к писательнице Водопьяновой и тихо произнесла:

— Лариса Георгиевна, велите подать черный кофе и сигарету?

Фраза была не к месту, тем более ничего подобного Ада предложить не могла и не намеревалась, однако она хотела именно этим абсурдным замечанием привести в чувство литературную царицу.

— Чаво? — воззрилась та на нее с изумлением, словно в первый раз в жизни видя, а Ада заметила, что начальница ее начальницы, о чем-то шепотом толкуя с писательницей Скорпионовой, стратегически правильно оттесняет ту в противоположную сторону.

Постепенно взгляд писательницы Водопьяновой стал осмысленным, и она, снова осознавая, что имело место, недовольным тоном произнесла:

— Чего ты какую-то глупость говоришь!

Ада перевела дух. Раз ругается, значит, все в полном порядке!

Писательница Скорпионова, подталкиваемая к лифту, кричала:

— Эй, у меня имеется приглашение на прием! Куда это вы меня выпроваживаете?

Подоспели секьюрити, которых так не хватало последние минуты, которые взяли на себя обязанности по выпроваживанию Софки и запихиванию ее в лифт, что было далеко *не самым* простым заданием.

— Лорочка, я тебе это попомню, ты уж заруби это себе на своем ведьмовском носу. Эй, только без рук, я сама уйду, если уж на то пошло. И вообще, Лорочка, скажи спасибо своей «шестерке» из издательства, это ведь она сливает информацию о тебе желтой прессе! Ну, чао!

Ада замерла — под «шестеркой» от издательства писательница Скорпионова явно имела в виду ее саму.

Только никакой информации никому она, используя терминологию Софки, конечно же, не сливала. Это был запрещенный прием, последний выпад малопривлекательной особы, искавшей возможность досадить.

И нашедшей ее.

Несколько недель назад в самом деле разразился скандал, потому что в газеты-сплетницы и на сайты-пересмешники уплыла кое-какая конфиденциальная информация о писательнице Водопьяновой, в том числе о ее любовнике, ушедшем от нее к другому, но никакого отношения к этому «сливу» Ада не имела.

Только вот попробуй ты это докажи писательнице Водопьяновой, которая, сузив глаза, сурово заявила:

— О чем это Софка? Это правда?

Конечно же, *нет*, однако кто ей поверит?

Ада замотала головой, и тут, на ее счастье, к ним вальяжно подплыл глава «ктулхушников» *Миша*, заявивший, что крайне рад видеть писательницу Водопьянову, крайне.

— Пройдем-ка в VIP-ложу, Лорочка, — произнес он, буквально хватая ее за локоток, а та, шипя в сторону Ады, заявила:

— Ну ничего, мы потом поговорим! Если это ты информацию сливала, то уволю тебя к чертовой матери. А ведь точно ты, кто же еще мог?

Много кто, хотя бы непосредственная начальница непосредственной начальницы Ады, которая, даже не считая нужным поблагодарить подчиненную за проявленное самообладание, пропела:

— Думаю, Лариса Георгиевна права. О чем это кричала Скорпионова? Это что, правда?

Ада принялась неуклюже оправдываться, чувствуя, что выходит у нее нескладно и плохо, как будто...

Как будто она действительно сливала информацию и теперь пыталась убедить начальницу своей на-

чальницы в противоположном. И отчего все поверили этой несносной особе, а не ей?

Хотя кто она такая, мелкая сошка, сотый винтик в машине...

— Вы ведь мне верите? — выпалила она, и начальница ее начальницы странным тоном засюсюкала:

— Верю-верю... Конечно же, верю!

Стало понятно: нет, *ничуть не верит*. И, похоже, в самом деле *уволят*.

Выходит, Софка напоследок все же добилась своего. Нет, что же за *ведьма-то* такая!

— Но завтра зайди ко мне, покалякаем...

Сказав это, начальница ее начальницы отплыла вслед за издателем *Мишей*, уводящим под локоток писательницу Водопьянову в сторону белоснежно-шелково-диванной ВИП-ложи. Ада двинулась за ними, однако путь преградили молодые суровые ребята в черных очках, которые во время стычки двух писательниц предпочитали делать вид, будто не замечают боевого столкновения двух цариц тривиальной литературы.

Понимая, что в ВИП-ложу путь ей заказан и ни писательница Водопьянова, подозревавшая ее теперь во всех смертных грехах, ни начальница ее начальницы замолвить о ней словечко секьюрити не намереваются, Ада наблюдала за тем, как Лариса Георгиевна накинулась на Лоретту, как всегда, безупречную и изумительно молодую.

Кстати, а *где* книга с автографом великой писательницы?

Вспомнив, что оставила ее в автомобиле издательства, который привез их сюда, Ада дала себе зарок, что не потеряет ее. Вот когда она снова окажется

в авто, чтобы доставить писательницу Водопьянову в ее подмосковное шале...

Если окажется — не исключено, что ядовитая стрела, выпущенная Скорпионовой, достигла своей цели.

И Аду уволят?

Ну нет, она ни в чем не виновата, почему она должна нести ответственность за чужие проступки? Только вот как убедить в этом писательницу Водопьянову и начальницу ее начальницы?

В особенности если последняя и была тем человеком, который сливал информацию прессе, и весьма заинтересована в том, чтобы отыскать козла отпущения.

Точнее, козу.

Предаваясь далеко не самым радужным размышлениям, Ада в очередной раз с тоской взглянула в сторону ВИП-ложи. В этот момент завибрировал ее мобильный, и девушка извлекла его, уверенная, что пришло сообщение от писательницы Водопьяновой.

Ан нет, ей написал Стасик, ее сердечный друг.

«Девочка моя! Надеюсь, что у тебя все хорошо. Думаю, что наши отношения больше не имеют смысла. Ты уж не сердись. Нам лучше расстаться. Хорошего тебе вечера! Твой Стасик».

Ада прочитала это сообщение несколько раз подряд, и слезы брызнули у нее из глаз. Она с размаху села на свободное плетеное кресло. Лицо обдувал теплый ночной воздух, мимо скользили вышколенные официанты, слышался смех и приглушенная музыка.

В общем, она была на закрытой вечеринке на крыше самого крутого столичного отеля в честь самой крутой зарубежной писательницы, которая дала ей автограф и даже перебросилась с ней несколькими фразами.

Отчего же ей так плохо?

Таращась на сообщение от Стасика, Ада осознала, что ее только что бросили. Ну да, самым натуральным и жестоким образом, причем ее так называемый сердечный друг сделал это при помощи короткого сообщения, даже не соизволив сообщить ей это лично.

Чудеса современной коммуникации.

Вечер был восхитительный, если не считать того, что, во-первых, ее наверняка завтра уволят, а во-вторых, ее только что бросил молодой человек.

А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, *все хорошо...*

Ада не помнила, как долго просидела, таращась в исчерченное разноцветными прожекторами темное небо над Москвой, а потом вдруг ни с того ни с сего зарыдала.

Ну нет, причина, конечно же, имелась, даже две: грозившее ей увольнение и расставание со Стасиком.

И что было ужаснее?

Поймав на себе удивленные взгляды гостей, Ада неловко вскочила и направилась к лифту. Однако не вошла в кабину, а свернула в коридор, где располагалась дамская комната.

На ее счастье, там никого не было, поэтому, зайдя в одну из кабинок и сев на опущенную крышку унитаза, она наконец дала волю чувствам.

Слезы текли по щекам, из горла вырывались глухие всхлипы. И отчего все не заладилось, пошло наперекосяк? Ну, со Стасиком было понятно, что дело идет к разрыву, но ведь не в такой форме и не сегодня!

Выяснилось, что *именно* в такой и *именно* сегодня.

Если ей в любви не везет, так пусть хоть в карьерном плане счастье подвалит. Так нет, похоже, ни у кого теперь не возникнет сомнения, что это она являлась поставщиком информации желтой прессе, а церемониться с предательницей «ктулхушники» не станут.

Выплакавшись, Ада попробовала увидеть все в позитивном свете, но отчего-то не получалось. Как ни крути, но Стасик был ей дорог, не исключено даже, что она его любила.

Только вот он ее — *нет!*

Но горше всего было осознание того, что Скорпионовой удалось напоследок оклеветать ее, и все этому охотно поверили. Нет, что за *ведьма*, однако!

Хлопнула дверь, раздался звук шагов. Замешкавшись, Ада вдруг заметила, что у большого зеркала дамской уборной стоит Лоретта. От испуга девушка тотчас потянула на себя дверцу кабинки, неплотно прикрытой (еще бы, в паре метров от нее, и не подзревая, что за ней наблюдают, — если не самая известная, то точно уже *самая богатая* писательница в мире!), и припала к крошечной замочной скважине.

Зачем в двери туалета замочная скважина? Ну ясный перец — чтобы исподтишка *подглядывать* за литературной миллиардершей!

Сердце Ады учащенно забилось. А что, если ей подойти прямо к ней и...

И спросить, не нужна ли ей личная помощница?

А если та ответит согласием — улететь вместе с ней завтра на частном самолете в шотландский замок? А почему бы, *собственно*, и нет...

Лоретта, положив на мраморную столешницу крошечную сумочку, занялась своим мобильным телефоном. Наверняка вырвалась наконец-то из гостеприимных спрутообразных объятий издателя

Миши и писательницы Водопьяновой, а также всех прочих романистов и беллетристов, желавших с ней пообщаться.

Исподтишка наблюдая за ней, Ада все раздумывала. Была не была! Она подойдет к ней и...

И скажет нечто наподобие:

«Меня зовут так же, как и вашу бабушку, может, вы возьмете меня к себе в штат?»

Ну, английский у нее был приличный, хотя далеко и не идеальный, однако она не сомневалась, что работает с литературной миллиардершей. Та ведь, судя по всему, была без звездных закидонов — наверное, это миллиард так *благоприятно* на нее подействовал.

Ада представила, как бы вела себя писательница Водопьянова, будь та литературной миллиардершей, и едва сумела сдержать смешок. О, о *таком* лучше даже и не помышлять!

Мысль о том, чтобы завести разговор с великой писательницей была, конечно, рискованная и даже бредовая, но чем черт не шутит...

Черт?

Еще до того, как Ада сумела что-то предпринять, снова хлопнула дверь, и в дамской комнате появился еще кто-то.

Ада увидела молодую невзрачную особу, которая, словно точно зная, что делать, направилась к Лоретте. Та, занятая тем, что строчила что-то в телефоне, не сразу подняла глаза.

— Могу ли я вам помочь? — раздался ее безупречный английский. — Вы наверняка хотите автограф?

Какая, надо сказать, предупредительность — писательница Водопьянова в подобной ситуации обругала бы докучливую фанатку последними словами и еще смартфоном в нее запульнула бы.

Но Водопьянова ведь не литературная миллиардерша и никогда ею не станет.

А молодая особа, ничего не отвечая, схватила сумочку Лоретты, лежавшую на мраморном умывальнике, и потянула ее на себя.

Участницы этой сцены не подозревали, что за ними кто-то наблюдает из одной из кабинок. И что этим кем-то была Ада.

— Что вы делаете? — произнесла изумленным тоном великая писательница. — Это принадлежит мне!

Но особа не отступилась, а Лоретта вцепилась в сумочку, не желая ее отдавать, и Ада замерла, не зная, что и делать. И вдруг поняла — это ведь ее шанс, если она сейчас придет писательнице на помощь и поможет ей справиться с нахальной воровкой, решившей обокрасть миллиардершу.

И это на эксклюзивной вечеринке на крыше самого крутого столичного отеля! И куда только катится этот мир...

— Отдай, отдай! — буквально рычала молодая особа по-русски, дергая сумочку Лоретты на себя, та же на безупречном английском заявила:

— Вы этого не получите, ни за что, нет! Я сейчас позову охрану, и вас...

В этот момент послышались еще шаги, и Ада увидела холеную особу постарше, оказавшуюся перед зеркалом. Заметив ее, Лоретта по-русски произнесла:

— Прошу вас помочь мне! Я стала жертвой этой ограбительницы...

Вошедшая особа, вдруг ослабившись, приблизилась к литературной миллиардерше, а затем со всего размаху ударила ее по лицу. Та, охнув, полетела на пол, утащив за собой сумочку, которая, упав на мраморный пол, пролетела по нему в кабинку, где притаилась наблюдавшая за происходящим Ада.

Цепеня, девушка видела, как холеная особа, только что ударившая по лицу литературную миллиардершу, склонилась над ней. Та, стелая, попыталась подняться, а особа неспешно извлекла из собственной сумочки нечто металлическое, похожее на массивный смартфон в стальном футляре, склонилась над писательницей и вдруг снова нанесла ей удар, на этот раз в висок.

Та мгновенно затихла.

Ада не верила своим глазам: неужели она только что стала свидетельницей...

Убийства?

Причем жертвой этого ужасного преступления была не кто иная, как создательница серии книг о девочке-волшебнице литературная миллиардерша, прибывшая в Москву частным рейсом, великая Лоретта ди Сан-Марко.

А ее убийцей — эти две незнакомые Аде особы, явно действовавшие сообща.

— Где ее сумочка? Куда ты ее засунула? — спросила холеная убийца свою подручную помладше, и та запричитала:

— Никуда я ее не девала! Она сама куда-то делась!

Ада тарацилась на лежащую на мраморном полу перед ней изящную крошечную сумочку Лоретты, из которой та доставала копеечную ручку, чтобы дать ей автограф. И осторожно прикоснулась к ней, а затем схватила.

Нет, эти несносные особы что, только что на самом деле попытались ограбить, а затем хладнокровно убили великую писательницу?

А что, если не убили, если ей требовалась помощь...

— Она мертва? — услышала Ада приглушенный голос особы помоложе, причем совсем даже не испуганный, а какой-то... *торжествующий*.

Ее нерасторопная сообщница, та, что постарше и повальяжнее, склонившись над Лореттой и произведя над ней определенные манипуляции, вынесла вердикт:

— Мертвее не бывает. Пульса нет. Но живой она нам и не нужна. Лоретта должна была умереть.

Она им *не нужна* живой? Судя по всему, это была не случайная смерть, а...

Хорошо спланированное убийство?

— Куда ты дела сумочку? — повысила голос убийца.

— Да куда не дела! Она куда-то отлетела, когда ты толкнула Лоретту, надо просто все осмотреть, мы ее найдем.

— Учти, со мной такие хитрости не пройдут, то, что там, принадлежит мне!

То, что там, в сумочке, — копеечная ручка, *что ли?*

— Здесь точно никого, кроме Лоретты, не было?

— Разумеется, нет! Как ты мне и сказала, я следила за тем, кто сюда входит и выходит. И сюда уже полчаса или около того никто не заявлялся.

Ну да, никто кроме Ады, которая просидела и проплакала, горюя о том, что свалилось ей на голову, невесть сколько времени.

— Тогда давай ищи! А потом надо избавиться от трупа, как и задумали...

Как и задумали! Ну да, речь шла не о случайном или спонтанном убийстве, а о преступлении тщательно спланированном. Только вот кто хотел убить литературную миллиардершу?

Например, эти две особы.

Тут раздались голоса, в дамскую комнату опять кто-то вошел.

— Да, да, милая моя, представь себе, это именно так!

Две особы, не теряя самообладания, мгновенно подхватили обмякшую Лоретту и отволокли тело в соседнюю кабинку еще до того, как перед зеркалом появилась светская дама-критикесса, прижимавшая к уху телефон. Она продолжала никчемный разговор, одновременно ухитряясь при этом подводить себе помадой губы.

— Вот именно, я тоже так думаю, настало время сказать ему всю правду в лицо, милая моя, он ведь тебя все эти годы обманывал, а ты делала вид, будто не замечаешь...

Ада таращилась на лабутен Лоретты, который выглядывал из-за перегородки туалетной кабинки. Рядом с ней находились две убийцы и их бездыханная жертва.

Значит, завершения литературной саги о девочке-волшебнице уже *не будет?*

Понимая, что думает совсем не о том, о чем следовало, Ада осторожно вышла из кабинки, прижав к груди сумочку Лоретты.

Болтавшая по телефону у зеркала особа на нее внимания не обратила, и Ада выскользнула из уборной.

Оказавшись на свежем ночном воздухе, она затравленно огляделась, а потом, схватив с подноса вертевшегося рядом официанта первый попавшийся бокал, осушила его.

В горле запершило от крепкого алкоголя, ноги подкосились, и Ада бухнулась на один из белоснежных диванов.

Итак, это все было на самом деле — или ей только почудилось? Может, она спит и видит кошмар, будто стала свидетельницей убийства литературной миллиардерши в дамской комнате самого крутого московского отеля?

Судя по тому, что в руке она сжимала сумочку Лоретты, *не* привиделось.

Подозвав к себе официанта, Ада сделала то, что никогда обычно не делала: снова влила в себя крепкий алкоголь.

А затем, попытавшись подняться, вдруг поняла, что ноги ее не держат: она опьянела в считанные секунды.

В голове гудело, в ушах жужжало, перед глазамиплыли разноцветные круги. И вовсе не от выпивки, хотя и от нее тоже.

А оттого, чему она стала только что свидетельницей в дамской комнате.

Чувствуя, что ей делается жарко, то ли от принятого на грудь, то ли от увиденного, или, что вероятнее, и от того, и от другого, девушка стащила с себя пиджачок, оставшись только в блузке, и сбросила туфли, которые ужасно жали. Наконец, с трудом оторвавшись от дивана, Ада проковыляла к одному из секьюрити, который даже в ночное время был в черных очках.

— Там, там... — произнесла она заплетающимся языком.

Только вот *что* сказать? Что в дамской комнате около лифта находится тело убитой двумя авантюристами литературной миллиардерши?

Ведь секьюрити, как подозревала Ада, были наняты Мишей больше для антуража и понтов да для ограждения Лоретты от настырных поклонниц и поклонников, в том числе из числа столичного бомонда, чем для защиты от убийства, тем более в дамском

туалете на недоступной простым смертным крыше самого крутого столичного отеля.

— Там женщине стало плохо, ей нужна медицинская помощь!

Ну, медицинская помощь литературной миллиардерше, судя по всему, уже *не* требовалась, Ада отчего-то доверяла вердикту волевой холеной убийцы, прикончившей Лоретту.

Секьюрити, скептически нахмурившись, произнес:

— Кому требуется помощь, я вас не понял...

Понимая, что выглядит со стороны сумбурной пьяной особой, каковой она, вероятно, и являлась, Ада повторила, стараясь как можно более тщательно выговаривая каждое слово:

— Там женщина. В дамской комнате. Около лифта. Ей плохо. И нужна медицинская помощь.

А еще там две убийцы. Ну, если уж на то пошло, всего лишь одна и ее помощница, но такие подробности секьюрити в черных очках знать уж точно *не* требовалось, по крайней мере в данный момент: наткнется на тело Лоретты, сам все скумекает.

Вышло четко и вполне убедительно. И все бы ничего, если бы после своей тирады Ада не икнула.

Секьюрити произнес куда-то вбок, явно обращаясь к невидимому собеседнику:

— Есть информация, что в дамской комнате около лифта кому-то требуется медицинская помощь. Проверьте.

Ада порывалась поведать ему всю историю, но секьюрити, подняв руку, остановил поток ее пьяного красноречия.

И спустя минуту или две произнес:

— Проверили, там никого нет. Кому требуется помощь, может быть, вам?

Что значит, *проверили, но там никого нет?* Там были мертвая Лоретта и две преступницы — убийца со своей подручной.

Они никуда не могли деться.

А что, если *могли* — и *делись*?

Ада принялась что-то говорить, кажется, слишком бурно и, вероятно, абсолютно несвязно. И почему все считают, что она напилась? Ну, выпила для того, чтобы прийти в себя от увиденного, но разве она пьяная в зюю?

Судя по тому, как ее шатало и мутило, то да.

Буквально вцепившись в секьюрити, Ада все же заставила его приблизиться к лифту, где их ждала невысокая плотная женщина в точно таких же черных очках.

— Там все чисто, — заявила она, а Ада, топнув ногой, заявила, что там труп.

— Труп? — насторожился секьюрити. — *Чей* труп?

Не говорить же, что Лоретты ди Сан-Марко, почетной гостьи закрытой вечеринки и литературной миллиардерши, прилетевшей на Московскую книжную ярмарку.

И приконченную прыткими особами в дамской комнате на закрытой вечеринке в ее честь.

Однако говорить, *чей* труп, Ада не стала: тогда не только пьяной сочтут, но еще и сумасшедшей.

А она, быть может, и подшофе, но отнюдь не умышленная.

— А с чего вы взяли, что это труп? — произнесла крайне подозрительно дама-секьюрити. — Ведь речь шла о том, что кому-то плохо, а теперь труп!

Ну да, *нестыковка!* Прямо как в романах писательницы Водопьяновой. То, что Лоретта уже труп, она знала со слов убийцы, а те обычно в таких вещах не ошибаются. Да и, если судить по тому, что эти

прыткие особы могли делать с Лореттой все, что заблагорассудится, например, хватать ее за конечности и запихивать в туалетную кабинку, миллиардерша была уже неживой.

— Это труп! — заявила Ада и прошествовала наконец в дамскую комнату. Она заметила около зеркала изумленную стильную брюнетку, которая, впрочем, не была ни одной из убийц. А затем направилась к кабинке, в которой прятались преступницы с телом, и распахнула дверцу.

— Вот и труп! — заявила она торжествуяще, и женщина-секьюрити только покачала головой.

Ада повернула голову и увидела, что кабинка пуста.

Не было в ней ни трупа, ни двух убийц.

Икнув, Ада замешкалась, а потом произнесла:

— Значит, они вот здесь прячутся!

— Кто? *Трупы?* — осведомилась саркастически женщина-секьюрити, и Ада рванула на себя дверцу соседней кабинки.

Та была заперта.

— Они там! — запричитала она. — Взломайте дверь! Они там!

— Кто? — продолжила с явной издевкой секьюрити. — *Трупы?* Так их несколько, а вы вели речь об одном. Зомби размножаются почкованием?

Ада закричала:

— Убийцы и труп! Они там, просто кабинку сменили, когда...

Она осеклась, понимая, что все звучит уж слишком неправдоподобно.

— Ага, значит, есть не только труп, *но* и убийцы. Точно убийцы, а не убийца? Их сколько? И все они вместе с трупами сидят в одной кабинке женского туалета?

Ада подтвердила энергичным кивком:

— Да!

И громко икнула.

А затем стала трясти ручку кабинки и вопить:

— Открывайте, я знаю, что вы там! Я все видела!

Как вы ее убили, как пытались украсть сумочку...

— Украсть сумочку? — хмыкнула женщина-секьюрити. — У трупа? Значит, не только убийцы, но и грабители? Их в общей сложности сколько, человек двадцать-тридцать?

Она явно ей не верила.

Наверное, Ада сама бы себе не поверила, но ведь она собственными глазами видела:

— Да, пытались украсть! Но эта сумочка у меня оказалась.

— Ага, видимо, совершенно случайно.

— Ну да, именно что совершенно случайно.

Ада опять икнула. Ну что же это такое!

— Ну хорошо, а где эта сумочка?

В самом деле, где? Да вот же, она в руках ее держала...

Вот именно, что *держала*, но до того, как вернулась в дамскую комнату. А теперь сумочки в руках у нее *не было*.

Оставила на диване, когда возлежала там и собиралась с мыслями, переваривая алкоголь и сцену убийства!

— Ой, я ее потеряла, но она там, на диване! Поверьте мне, я все видела! Возможно, на сумочке есть отпечатки пальцев убийцы!

Может, есть, а может, и нет. А вот чего на сумочке Лоретты предостаточно, так это ее *собственных* отпечатков.

Женщина-секьюрити вздохнула и произнесла, обращаясь к кому-то по спрятанной за ухом рации:

— Все чисто, только вот кое-кто перебрал алкоголя. Нет, трупа никакого нет.

Они все считают, что дамочка упилась в хлам и истерит, но ведь это не так! Ада видела и сцену убийства, и труп Лоретты, и двух преступниц, спрятавшихся с телом в кабинке. Правда, соседней, теперь пустой, но они перебрались.

— Все вы врете, они тут и затаились! — повысила голос Ада. — Ломайте дверь, они сами не выйдут! Или, может, вы туда перелезете?

Она принялась колотить в дверь, а та вдруг распахнулась, и на пороге появилась возмущенная пожилая особа в пестром пиджаке, в которой Ада узнала одну *крайне* влиятельную столичную медиадаму.

— Это черт знает что такое! — процедила она, выходя из кабинки. — Нет, я буду жаловаться!

Ада влетела в кабинку, в которой, конечно же, не было ни трупа Лоретты, ни двух убийц.

Женщина-секьюрити приносила глубочайшие извинения, и до Ады донеслось:

— Алкоголь... Наверняка еще и наркотики... Мне крайне жаль... Будем очень признательны, если вы забудете об этом досадном инциденте...

Медиадама, фыркнув, удалилась, а Ада продолжала таращиться на пустую кабинку.

— Значит, они спрятали ее в...

Куда они спрятали тело Лоретты? Ну да, конечно, в третью кабинку!

Но и та была пуста.

— Тут еще есть служебные помещения? Наверняка есть каморка, в которой уборщица хранит свои причиндалы. Где же она, ага, вот... Заперта. Ничего, надо только потрясти...

Ада рванула на себя дверцу, и на нее посыпались швабры и щетки. В каморке ничего, кроме этих самых причиндалов, не было.

Дама-секьюрити, взяв девушку под руку, причем крайне цепко, произнесла:

— Думаю, прием для вас на этом закончился. Езжайте домой, примите аспирин, проспите. Утро вечера мудренее.

Вырвавшись из ее объятий, Ада принялась бегать по дамской комнате туда-сюда.

— Может, они ее в шахту для вентиляции запихнули? Вот решетка, помогите мне ее снять!

Тут лицо дамы-секьюрити, которая уж точно не намеревалась снимать решетку вентиляционной шахты, переменилось, она, развернувшись и ничего не говоря, выбежала прочь.

Переведя дыхание, Ада вдруг почувствовала, что ей делается страшно, и последовала за ней. Секьюрити явно получила сообщение от одного из своих коллег, который патрулировал на крыше, поэтому и умотала.

Когда Ада снова оказалась там, то поразились, как все изменилось. От праздничной, благостной, приятной атмосферы не осталось и следа. Гости толпились кучками, о чем-то переговариваясь, туда-сюда бегали взъерошенные секьюрити, а издатель *Миша*, меряя опустевшую ВИП-зону огромными шагами, вел с кем-то напряженный и громкий разговор по мобильному.

Понимая, что *обнаружили тело*, Ада подошла к одной из группок гостей и невинным тоном спросила:

— А что, *собственно*, случилось?

— Она с собой покончила!

Не понимая, о чем идет речь, Ада переспросила:
— Кто?

И один из гостей затараторил:

— Да Лоретта ди Сан-Марко! Я когда услышал, сначала подумал, что это кошмарная хохма. Но нет, мне только что мои источники подтвердили — это она! Прилетела в Москву, отправилась сюда на вечеринку, а потом прыгнула вниз! Даром что сегодня пятница, тринадцатое. Может, это ее и погубило?

Лоретта прыгнула вниз с крыши самого крутого столичного отеля? *Как бы не так!*

Раздался чей-то призывный голос, возник солидный мужчина, вероятно, один из менеджеров отеля, поставивший всех в известность:

— Дамы и господа, причин для беспокойства нет, однако вынужден вам сообщить, что прием окончен. Имел место трагический несчастный случай, одна гостья умерла, упав с крыши...

Кто-то ехидно заметил:

— Ну да, упав с крыши! Тут надо крайне постараться, чтобы упасть. Перелезла через все ограждения и сиганула вниз.

— Какая ужасная смерть! И самое непонятное, зачем? У нее же все было, она — миллиардерша, самая успешная писательница в мире.

— Гм, не повезло Мише, он с ней заключил договор на эксклюзивные права по переводу ее новой серии книг о магических приключениях младшего брата девочки-волшебницы. И гонорар отвалил, причем крайне солидный. Плакали теперь его денежки!

Наконец, кто-то спросил:

— А как же приключения девочки-волшебницы? Там ведь еще три финальных тома остались ненаписанными! Что, мы никогда не узнаем, чем все завершилось?

Похоже, всех волновали разнообразные проблемы, начиная от причин самоубийства Лоретты ди Сан-Марко на эксклюзивной вечеринке в ее честь до того, что серия книг о девочке-волшебнице навсегда останется незавершенной.

По причине кончины ее изобретательницы.

Внезапно Ада увидела их — двух преступниц. Убийцу, ту, что постарше, и ее молодую помощницу. Они, о чем-то перешептываясь, не выделялись из прочей массы встревоженных гостей.

Делая вид, что говорит с кем-то по телефону (хотя с кем? с бросившим ее Стасиком?), Ада приблизилась к ним и, стоя спиной, попыталась уловить их тихую беседу.

— ...найти ту, что была в соседней кабинке. Она все видела!

Ада похолодела. Ну да, *все-все!* Но, судя по всему, убийцы не ведали, кто это был, иначе вряд ли позволили бы стоять к ним спиной с мобильным у уха, якобы погруженной в разговор.

— Это ведь женщина?

— Гениально, Ватсон! Понятно, что в дамском сортире можно встретить только женщин. Хотя ты права, теоретически это мог быть и мужик.

— Нет, не мог, я ведь ее со спины видела. Такая невзрачная особа в простеньком светлом пиджачке и черных «лодочках»...

Телефон едва не выскользнул у Ады из рук. Как хорошо, что она сняла пиджачок и сбросила черные «лодочки»!

— Ну да, таких особ здесь пруд пруди! И как нам ее найти?

— Ну, не так уж и много, если на то пошло. Она явно не из разряда леди-боссов, скорее, из Золушек.

А таких тут не так уж и много. Кроме того, нам надо найти не ее, а сумочку Лоретты.

Сумочка! Аду как током ударило. Ну да, она ведь точно оставила ее на диване, когда стягивала с себя пиджачок и туфли.

— А что сделаем, когда найдем? Ну, не с сумочкой, я имею в виду, конечно...

Раздался приглушенный смешок убийцы.

— А, с мамзель-Золушкой, которая все видела и стащила сумочку? Думаю, отправим ее вслед за Лореттой — на тротуар города-героя Москвы с тридцать седьмого этажа! Сама видела, как это просто: пусть и две сотни гостей, и охраны пруд пруди, но если действовать быстро и нагло, то никто ничего не заметит. Ну, а если из-за поднявшейся суматохи не получится так, ликвидируем иным способом. Но ликвидируем, потому что она опасный свидетель.

Опасный свидетель, которого они намеревались ликвидировать, стоял к ним спиной, точнее, после этой кровожадной фразы бочком выбирался прочь, все еще имитируя телефонный разговор. Требовалось отыскать сумочку и, не надевая пиджака (но *не забыв* натянуть туфли), ретироваться как можно быстрее.

Ада долго не смогла сориентироваться, на каком же диване сидела и разоблачалась. Наконец, сконцентрировавшись, что по причине действия алкоголя было не таким-то простым делом, сумела понять, в каком направлении двигаться, и в самом деле обнаружила на диване свой сиротливо лежащий пиджачок и валявшиеся тут же черные «лодочки».

Но вот только сумочки Лоретты ни под ними, ни за ними, ни около них *не было*.

— Вот ты где! — раздался громовой голос той, о ком Ада уже забыла и думать: Ларисы Георгиевны.

Писательница Водопьянова, схватив ее за локоть, заявила:

— Так, расскажи мне, что происходит! Миша сам не свой, все меня бросили. Кто-то помер?

Ада, лихорадочно перерывала подушки дивана, надеясь, что сумочка завалилась за них, но убедилась, что та исчезла.

Но она оставляла ее лежать тут, она в этом не сомневалась. Пиджачок был на месте, черные «лодочки» тоже, а вот сумочка Лоретты бесследно исчезла.

Однако она не была в руках убийц, которые также вели за ней охоту.

Зато сбоку от дивана она обнаружила кем-то брошенные изящные лабутены. Размер был ее, и Ада, недолго думая, натянула их.

Положим, она могла разгуливать босиком по крыше, где проходил эксклюзивный прием в честь великой писательницы, создательницы саги о девочке-волшебнице, теперь, впрочем, завершившийся по причине смерти этой самой писательницы, вернее, ее убийства, которое, похоже, все считают то ли несчастным случаем, то ли суицидом. Но ведь не будет же Ада, подобно мужчине в самом расцвете сил, Карлсону, жить на крыше вечно!

А вряд ли имело смысл напяливать на себя черные «лодочки» и в особенности светлый пиджачок, так хорошо знакомые сообщнице убийцы Лоретты.

— Ты меня слышишь? — повторила писательница Водопьянова. — *Что здесь происходит?*

Обернувшись к ней, Ада рассеянно произнесла:

— Кажется, Лоретта умерла...

Ну, не кажется, а вполне себе точно, и не умерла, а *была убита*. Хотя если кого-то убивают, то он обычно умирает, ведь так?

Наверное, да.